

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

Кирилл КАЗАНЦЕВ

Я - ВОР
В ЗАКОНЕ

КАПКАН
ДЛЯ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К14

Казанцев, Кирилл.

К14 Капкан для золотого тельца / Кирилл Казанцев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с. — (Я — вор в законе).

ISBN 978-5-699-99522-6

Это только кажется, что золото благородного желтого цвета. На самом деле — цвет кроваво-красный. Потому что за золотом всегда тянется багровый след. Опер Алексей Лядов уверен в этом на все сто. Он уже знает, что убийство бандита произошло из-за двух золотых слитков, похищенных из Гохрана. Бандита не жалко, но где теперь искать слитки, не знает никто. И когда Лядову все же удалось выйти на убийцу, он еще раз убедился в своей правоте — слитки снова похищены, а убийца сам едва не поплатился за них жизнью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99522-6

© Рясной И., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Я поднял телефонную трубку и услышал в ней хорошо знакомый голос:

— Здравствуй, Леша.

— Здравствуй, Надежда Васильевна.

— Что делаешь?

— Песни пою.

— Как всегда, зол на всех?

— Не на всех...

— Ну, конечно, только на меня. Конечно, я во всем...

— Не заводись. Лучше говори, что надо.

— Надо Котенка из лица забрать.

— Тяжело. Ты же знаешь, я предположить не могу, куда меня через десять минут занесет... А где спекулянтская рожа?

— Алексей, как ты можешь?.. Он не спекулянтская рожа.

— Ага, дилер без консалтинга.

— Генеральный менеджер.

— Ну ладно, где же его сиятельство менеджер?

— Он в командировку сегодня улетел. У меня же через час главный прогон, вот-вот клиент заявится. Не могу, хоть убей.

— Во сколько забирать?

— В семь.

— Буду. Все?

— Все.

— Гуд бай.

Я бросил трубку. Это ж надо — менеджер, ха...

В кабинете было пусто. Обычно здесь работает четверо: шум, гам, хиханьки да хоханьки, — к Володьке постоянно девчонки из дежурной службы «02» ходят лясы точить, машинка стучит, дым коромыслом. А уж если взяли «клиента», тут вообще сумасшедший дом — крики, вопли: «не знаю ничего», «говори, нам все известно», стук зубов о стекло стакана, истерики, проклятия на нашу голову, в общем, обычная милицейская работа. Сейчас Володька в отпуске, а остальные ребята укатили за Горшком — прошла информация, что он у метро «Сокол» назначил

деловое свидание. Все утро в кабинете толкались наши ребята, бойцы из спецназа, разрабатывали операцию. Известно, что Горшок без оружия не ходит и его постоянно кто-то из корешей прикрывает. Недавно Горшок обмолвился, что живым в руки милиции не дастся, хоть пару человек да заберет с собой в могилу. С него станется — психопат со справкой, море по колено. Дело шумное.

Начальника ГУВД сверху теребят — мол, как у тебя с раскрытием нападения на инкассаторскую машину. Труп и сто семьдесят восемь тысяч уплывших долларов — это тебе не баран чихнул! И надо же — наш отдел по борьбе с хищениями антиквариата получил нужную информацию. Теперь по правилам нам ее и реализовывать, хотя профиль не наш.

Хоть бы взять его без шума. А то всяко бывает. К примеру, несколько лет назад в Щербинке авторитет Фидель рванул гранату и унес с собой троих наших ребят. Вспоминать жутко...

А мне сегодня делать нечего. Сиди, пей кофе и жди звонка, который может оказаться

довольно важным. Зазвонил телефон. Хоть бы это был Молдаванин... Но в трубке слышался голос начальника отдела.

— Алеша, ты один остался? — спросил он.

— Один, Виктор Семенович.

— Зайди. Тут меня один «синяк» домогается, мне его из приемной направили. Лепечет какую-то ересь. Возможно, по твоей части. Он в коридоре ждет.

— Сейчас буду.

Ну что ж, столько ереси и откровенной ерунды приходилось выслушивать за свою жизнь, что еще одна порция ничего не изменит.

Я зашел в тесный кабинет шефа. Стол, заставленный несколькими телефонами, ящик с определителем номеров, несколько стульев и тумбочка с телевизором и видеомагнитофоном — вот вся обстановка. Вид у Семеныча был, как всегда, скучающий. Он производил впечатление человека, которому давно все до лампочки, его удлиненное, с длинным носом лицо выражало тоску и презрение к окружающему миру.

Время от времени он сладко зевал и щурился, борясь со сном. Дело даже не в том, что вчера из свободного и независимого Киева приехал его приятель, с которым они вместе учились в академии, и, естественно, не обошлось без возлияния. Просто шеф всегда так выглядел, но внешний вид его несколько не соответствовал внутреннему состоянию. Он был цепким, как бульдог, оперативником, довольно опытным руководителем — ведь не случайно продержался на этой должности уже пять лет. И, когда надо, умел придать своему лицу деловитость, особенно когда разливался перед начальством соловьем, расписывая успехи отдела и тяжкий груз объективных обстоятельств, которые он вынужден нести на своих плечах.

Напротив Семеныча на краешке стула, положив руки на колени, примостился маленький седой мужичонка, в костюме жуткого фиолетового цвета. Да уж, прикид не от Кардена! Лицо посетителя было лилово-синего оттенка. Чтобы заработать такой колер, надо пить долго и много. Похоже, это и был обещанный начальником «синяк».

— Садись, Алексей, — кивнул шеф и зевнул. — Это Сергей Сергеевич Самохлюстов. Он сейчас расскажет нам свою грустную и поучительную историю. — Семеныч опять зевнул, и посетитель, кинув на него взгляд, стал нервно теревить складку на своих брюках.

— Рассказывайте, и поподробнее, — сказал я, поуютнее устраиваясь на стуле и сдерживая зевок — дурные примеры заразительны, особенно если исходят от начальства.

— Ну что, позвонили в дверь. Спрашивают: Сергей Самохлюстов? Я им: он самый. А они: мы из префектуры. — «Синяк» скривился, тоненьким голосом передразнивая гостей. — Проверяем, мол, состояние квартиры.

— Во сколько это было? — спросил я.

— Часов в двенадцать. Я на больничном сидел. Болею я. Вы не смотрите, что у меня вид здоровый. Печень, подлая, подвела, чтоб ей отсохнуть.

Лицо у него действительно было с желтизной — признак заболевания печени. Да

и насчет здорового своего вида он явно преувеличивал. Так что, возможно, вскоре его пожелания своей печени сбудутся.

— Я что? Я власть уважаю. Впустил их — проходите, гости дорогие, — ухмыльнулся посетитель с кислой миной и выругался не пятиэтажной, а «небоскребной» бранью. Шеф очнулся от полудремы и очень строго, но с профессиональным лингвистическим интересом посмотрел на посетителя. Тот, вспомнив, где находится, виновато потупился и добавил: — Извиняйте, но от такой подлости слов не хватает. Душу излить хочется, а по-интеллигентски не получается.

— Бывает, — благосклонно кивнул шеф.

— Вошли. Я им — не стесняйтесь, чувствуйте себя как дома. Но они и так как дома себя чувствовали. Начали по углам рыскать. Все переворошили. А один, медведь двухметровый, трах его тарарах, взял меня за шею. У меня-то метр с кепкой, и каждая стервь со мной права качать может, но я бы и при моей комплекции ему глотку перегрыз. Ан нет — он нож вытаскивает с выкидным лезвием и мне к горлу. А у меня чего, горло железное,

что ли? Надави чуть-чуть — и нет Сереги Самохлюстова. Поиграл он ножичком у моей шеи! Вот царапина, видите? Ну вот, вот она, — и Самохлюстов начал расстегивать рубаху с таким видом, будто рвал тельник на груди перед атакой на окопы обороняющегося противника. Царапина была на месте. Свежая.

— Видим.

— Кроушку мою пустил и говорит: «Пикнешь, я тебя на мелкие кусочки искромсаю, не один трупорез не сошьет». А морда злющая-презлющая. А на роже паскудной так и написано, что убить человека для него что кружку пива на пяточке засосать.

Он запнулся, видимо, заново переживая происшедшее. Да уж, от такого стресса сразу не отойдешь!

— Человек-то я смиренный-пресмирный. В жизни никого пальцем не тронул, с людьми по-людски жил. А что жена сбежала, так дура она душой. Ей-богу. Где ей еще такого мужика найти?.. За что мне горло резать? Я им — за что, братва? А они... — Он

поморщился и махнул рукой. — Связали, галстук мой единственный в глотку запи-хали. Видите, без галстука я. Ну видите, да? — Он подался вперед и тем же жестом матроса, рвущего тельник, провел ладонью по груди.

— Видим.

— Галстук, как он в моей глотке побы-вал, теперь и не надеть. Нашли они, что им было нужно, потом говорят: «Чирикнешь кому о нас — заживо поджарим, и даже твой трупешник не найдут». А чего, они могут. Могут, да?

— Вряд ли, — произнес я как можно су-ровее и искренне. Потерпевшего надо сразу убедить, что его жизни ничто не угрожает. Кстати, так оно и есть — вопреки расхоже-му мнению о всесии и жестокости мафии такие угрозы практически никогда не выпол-няются.

— Свистите вы художественным сви-стом, — поморщился посетитель. — Я знаю, что могут. Я «Московский комсомолец» от корки до корки читаю.

— Нашел что читать, — хмыкнул шеф.

— В общем, взяли они все, что у меня было, и ушли. А я, граждане-товарищи, свое состояние им отдавать не намерен. Своим горбом нажито. Я не Рокфилёр какой-нибудь — чтобы за мой счет всякая плесень жировала.

— Что взяли? — спросил я скучающе, начиная подозревать, что пропитый мужичонка вряд ли относится к видным коллекционерам антиквариата или представителям религиозных конфессий, которые в основном и служат нашими потерпевшими.

— Все, совершенно все! — В его глазах появились слезы. Он стукнул себя кулаком по колену и всхлипнул. — Подчистую вымели!

Я не понимал, чего он так убивается. По его виду можно было с уверенностью сказать: все, что он нажил, пропито еще во времена господства исторического и диалектического материализма, райкомов и очередей за водкой.

— Что же все-таки взяли? Подробнее.

— Ну, все две и взяли.

Две? Интересно, о чем он? Судя по его расстроенным чувствам, нагрели его на две бутылки водки — последние, наверное. Эта потеря для него была, пожалуй, посерьезнее, чем для немцев потеря Восточной Пруссии. Вооруженный налет из-за двух бутылок водки... Впрочем, чего не бывает. Вчера читал в сводках — управление по оргпреступности взяло особо опасного рецидивиста, который путем угроз и насилия вымогал у пятиклассника тысячу рублей. Во мафию взяли!

— Чего две?

— Две. Ну два. Два золотых слитка. Положили в портфель и отвалили.

— Что?! — воскликнули мы одновременно с Семенычем.

«Ну все, — подумал я. — Две бутылки самогона, «Беломора» пачка, не забудем мы тебя, белая горячка». Допился синяк до чертей зеленых.

— Да ничего. Два золотых слитка по пять килограмм каждый. Я у Маруськи на магазинных весах взвешивал.

— А вы золото когда-нибудь видели, уважаемый? — осведомился я.